Глава 41. Старые сны (часть 12)

— Ваше Высочество, когда вы узнали, что У Юй — ваш внук? — прямо спросил Цзян Ехун.

Цуй Хаожань на мгновение задумался.

— Около двух лет назад. После смерти Цуй Ина принцесса сама пришла ко мне и всё рассказала. Эх, поначалу я думал, что это мой сын согрешил где-то на стороне, обманув супругу… Оказалось, всё случилось гораздо раньше, в те годы, когда он жил в доме своей бабки у озера Яоху. Проклятый грех юности.

«Цуй Хаожань узнал об этом лишь два года назад, — отметил про себя Цзян Ехун. — Значит, семь лет назад натравить власти на медицинскую лавку семьи Гу и заставить всех закрыть глаза на дело рук У Юя мог не он. Но кто тогда?»

Поколебавшись, Цзян Ехун решился задать ещё один дерзкий вопрос:

— А известно ли принцу, когда об этом узнала сама принцесса?

Цуй Хаожань горько усмехнулся.

— Всё такой же дотошный Чу Фэй. Принцесса тоже узнала правду лишь два года назад, когда случайно встретила У Юя на празднике фонарей. Парень до того походил на покойного Цуй Ина, что не заподозрить родство было невозможно. Она отправила людей разузнать о нём и выяснила: У Юй — сын Цуй Ина и У Хуэйюнь, рождённый в Яоху. Принцесса не слишком расстроилась. По её словам, Цуй Ин ещё перед свадьбой честно признался, что в юности, живя у бабушки, имел связь с одной девушкой.

«Ей-то он признался, а как же У Хуэйюнь?» — Цзян Ехуну было не по себе от этой истории.

— Ваше Высочество, для наследника это была лишь мимолётная интрижка, но для тогдашней У Хуэйюнь… родить ребёнка вне брака в таком возрасте…

Цуй Хаожань тяжело вздохнул.

— Я плохо воспитал сына. Его мать рано ушла из жизни, и он рос под крылом бабушки. Старуха без памяти его обожала и во всём потакала. Я расспрашивал её об этой У Хуэйюнь. Матушка рассказала, что тогда брат девушки вытребовал у неё огромную сумму денег, после чего забрал сестру и навсегда уехал из Яоху, пообещав никогда не вспоминать о случившемся. О том, что У Хуэйюнь была беременна, они не обмолвились ни словом.

— Совсем не упоминали о ребёнке? — переспросил Цзян Ехун.

Принц уверенно кивнул.

— Да. Зная свою мать, могу сказать точно: если бы она знала о внуке, то ни за что не позволила бы крови Цуй скитаться на чужбине.

В то время Цуй Ин уже готовился к свадьбе с принцессой. Если бы семья У хотела шантажировать принца, они бы не ограничились разовой выплатой. Здесь явно скрывалось что-то ещё. Цзян Ехун потёр переносицу.

— Позвольте спросить, Ваше Высочество, сколько серебра получила тогда семья У от старой госпожи?

— Пять тысяч лянов.

«Всего пять тысяч? — Цзян Ехун нахмурился. — У Хуэйюнь была готова удавиться за каждый грош, она выгадывала крохи даже на жалованье слугам. Чтобы такая женщина, узнав о предательстве богатого любовника, удовлетворилась столь скромной суммой… Не в её это характере».

Цуй Хаожань поднялся.

— Занимайся этим делом без оглядки. Кто бы ни стоял за смертью Цуй Ина или У Юя, я поддержу тебя. Если понадобится моё вмешательство, просто пришли человека — я приду. Принцесса возражать не станет.

— Благодарю, Ваше Высочество. Я клянусь докопаться до истины.

Проводив Унань-вана, Цзян Ехун остался наедине со своими сомнениями. То, что на Чу Фэя напали на Южной главной улице, не было случайностью. Скорее всего, это было напрямую связано с тем, что настоящий Чу Фэй раскопал перед смертью.

Он вернулся в задние покои ямэня. Жун Жо уже пришёл в себя. Бледный, он с трудом пытался дотянуться до своих сапог. Цзян Ехун тут же бросился к нему.

— Куда ты рвёшься? У тебя рана, сиди смирно. Если что-то нужно — позови.

Жун Жо низко опустил голову.

— Старший брат Чу… Главное, что ты цел. А у меня так, царапина. Не хотел никого утруждать.

Цзян Ехун взял сапог и осторожно помог парню обуться. Глядя на его хрупкую щиколотку, он

вдруг почувствовал, как к лицу приливает жар. О чём он только думает в такой момент?

— Сначала отвезу тебя домой, а потом схожу на рынок, куплю курицу для бульона.

— Брат Чу, правда, не стоит. Я в порядке.

Цзян Ехун промолчал, напустив на себя суровый вид. Когда он затихал, выражение его лица становилось холодным и неприступным. Жун Жо украдкой взглянул на него, виновато опустил глаза и принялся нервно теребить край рукава. Цзян Ехун злился исключительно на себя: если он не может защитить слабого, то к чему вся его доблесть и мастерство?

— Ты ни в чём не виноват, — уже мягче произнёс Цзян Ехун. — Не делай такое лицо. Я не на тебя сержусь.

Жун Жо всё сильнее комкал ткань рукава.

— Прости… Если бы не я, тебе было бы гораздо проще отбиться.

— О чём ты говоришь? Оберегать тебя — моя прямая обязанность. Почему ты во всём винишь себя?

У Жун Жо покраснели глаза.

— Прости меня…

Цзян Ехун в сердцах взъерошил ему волосы.

— Да за что ты извиняешься? Ты передо мной ни в чём не виноват! Это я не досмотрел, не защитил, вот и злюсь на собственную беспомощность. А ты… У меня просто голос громкий, когда я не в духе. Не плачь только.

Жун Жо шмыгнул носом, глядя на него с такой обидой и нежностью, что у Цзян Ехуна защемило сердце. Он едва не затопал ногами от досады, не зная, как подобрать слова. Наконец, он выдохнул:

— Слушай меня. Я — ловец, и защищать тебя, как и любого жителя столицы, — мой долг. Не смей чувствовать себя обузой. Когда мы входили в тот дом, никто не знал, что там… Кстати, что произошло после того, как я отключился?

Жун Жо вытер слезинку.

— Я хотел вытащить тебя, но стоило мне повернуться, как последовал удар. Тот человек что-то бормотал… кажется, он искал «Изумрудного цилиня».

Цзян Ехун замер.

— Изумрудного цилиня? Того самого, что пропал из семьи Гао в деревне Девяти Семей?

Жун Жо покачал головой.

— Скорее всего, нет. Я слышал, как он упоминал личные вещи покойной супруги Унань-вана. Она была принцессой из Западных регионов, и поговаривали, что её приданым было сокровище — Изумрудный цилинь. В столице это не секрет. По слухам, эта вещь способна возвращать души умерших. Не знаю, связан ли он с тем цилинем семьи Гао.

Цзян Ехун вспомнил существо, напавшее на них, и плечо отозвалось резкой болью.

— Живой мертвец… То создание, что нас избило — оно кто? Человек или нечисть? И что это за «живая марионетка», о которой ты говорил?

Жун Жо отвел взгляд.

— Это человек. Или то, что от него осталось. Живая марионетка, если вкратце — это несчастный, превращённый в куклу при жизни с помощью запретных искусств.

Цзян Ехун лишился дара речи. О подобных темных практиках он слышал в бытность свою вольным воином — говорили, что они процветают в Западных землях и Мяоцзяне. Помолчав, он негромко спросил:

— А-Жо, я хотел спросить…

— Брат Чу хочет знать, откуда мне известны такие подробности? — перебил его Жун Жо.

Цзян Ехун понимал, что не должен сомневаться в друге, но Жун Жо знал слишком много вещей, от которых мороз по коже пробирал.

— А-Жо, кто ты на самом деле?

Жун Жо горько улыбнулся.

— Моя вина. Не стоило скрывать это от тебя. Я знаю всё это из-за отца. Он… он не был простым наставником музыки. И родом он не из Западных земель, а из Мяоцзяна.

Цзян Ехун почувствовал укол совести. Жун Жо в детстве натерпелся нужды, и лезть к нему в душу, бередя старые раны, было жестоко.

— Если не хочешь — не рассказывай. Я просто к слову спросил.

— Ты спас меня и дал мне новую жизнь, — тихо произнёс Жун Жо. — Я не должен иметь тайн от тебя. Просто боялся, что ты сочтёшь меня чудовищем.

— О чём ты?! Какое ещё чудовище? — возмутился Цзян Ехун.

Внезапно Жун Жо вспыхнул ярко-фиолетовым светом. Сердце Цзян Ехуна ёкнуло, в памяти мгновенно всплыла сцена из той ночи. Горло перехватило, он едва выдавил:

— Значит… та ночь мне не приснилась?

Жун Жо виновато опустил голову.

— Прости… Я просто не хотел, чтобы ты меня боялся.

— Да не плачь ты! Объясни толком, что происходит?

Жун Жо смахнул слёзы, которые вот-вот готовы были хлынуть ручьём.

— У моего отца была другая фамилия. Его звали У Жун. Он был Великим жрецом Мяоцзяна и старшим братом императрицы-шаманки У Цзин. Когда в Мяоцзяне вспыхнула междоусобица из-за жертвоприношения великой шаманки Линлун, императрицу обвинили в тайной связи с жрецом и рождении близнецов. Восстание было жестоко подавлено, У Жун стал новым жрецом, а после смерти императрицы он помогал её сыну, У Чаннину, взойти на престол.

При имени «У Чаннин» Цзян Ехун вздрогнул. Перед глазами встали те две нелепые святыни на вершине Чуншань. В душе снова шевельнулось желание спалить их дотла.

— Так выходит, ты и тот покойный Император-шаман, которого на вершине горы молнией приложило, — двоюродные братья?

Жун Жо кивнул, и его взгляд на миг стал пугающе-острым.

— Потом что-то случилось, и отец бежал в Срединные земли. Здесь он встретил матушку, и родился я. Мама ушла рано. Ещё ребёнком я заметил, что мои глаза иногда меняют цвет. Отец велел мне никогда и никому не открывать правду о своём происхождении. Сказал, что нужно прятаться, иначе люди назовут меня монстром и убьют. Прости меня, брат Чу…

Цзян Ехун потёр виски.

— Значит, в ту ночь… Это ты меня усыпил? Каким-то своим способом?

— Я не хотел, — Жун Жо снова принялся вытирать глаза. — Я боялся, что ты отвернёшься от меня. В тот момент я просто запаниковал и…

— Ты владеешь шаманством, так?

Жун Жо закрыл лицо руками и разрыдался.

— Прости, прости меня!

Цзян Ехун чувствовал полное смятение. Нет, он не боялся, но в голове всё перемешалось.

— Я… ох. Попрошу Лао Чжао отвезти тебя домой. Отдохни.

Ему нужно было всё обдумать. Сначала он спасал Жун Жо лишь для того, чтобы исполнить волю Чу Фэя — считал, что раз уж занял чужое тело, то должен отплатить добром. Цзян Ехун терпеть не мог оставаться в долгу. Но Жун Жо, оказывается, всё это время лгал ему. И даже применил к нему свои чары. Это задевало.

Он долго бродил по улицам и сам не заметил, как ноги вынесли его к тому самому мосту, где он когда-то спас Жун Жо. Цзян Ехун со злостью хлопнул себя по лбу. «Что за нежности я развёл? — подумал он. — А как бы я поступил на его месте? Стал бы кричать на каждом углу о своих секретах?»

Он решительно развернулся, купил на рынке жирную курицу и поспешил домой. В конце концов, Жун Жо не просил его о спасении, это было его личное решение. У каждого есть тайны, особенно такие, от которых зависит жизнь. У него самого их предостаточно.

Цзян Ехун распахнул ворота, и на него тут же спикировал краснопёрый петух, норовя клюнуть в колено.

— Только вошёл, а ты уже за старое! — он пустился наутёк. — Я курицу купил, а ты ревнуешь? Будешь кидаться — завтра и тебя в котел отправлю!

Петух, словно поняв угрозу, заклокотал ещё яростнее и погнал хозяина до самого крыльца. Заскочив в дом, он захлопнул дверь и перевёл дух.

— А-Жо! А-Жо, ты здесь? Помоги прогнать этого зверя! А-Жо!

Ответа не последовало. Тишина.

Не обращая внимания на беснующегося за дверью петуха, Цзян Ехун бросился в комнату Жун Жо. Постель была аккуратно заправлена, вещи исчезли. На столе лежал лист бумаги.

«Брат Чу, я ухожу. Прости мне мою ложь, мне нет оправдания, и я не смею больше оставаться в твоём доме. Здесь серебро, которое я сумел скопить за годы службы в Ижэнь-гэ. Его немного, но прошу, прими его. Те деньги, что ты потратил на мой выкуп, я обязательно верну, как только смогу».

http://bllate.org/book/17428/1663267